
КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

А. Ф. Назаренко

ЛОГИКО-КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ В ЕГО ОТНОШЕНИИ К НАУКЕ

Аннотация: В сообщении обсуждаются идеи о месте и роли логического анализа категориального аппарата научного знания.

Ключевые слова: категории, логический анализ, философское знание, наука.

Abstract: In the paper the role of logical approach to the categories and systems of categories in science and philosophy is observed.

Keywords: categories, the logic analysis, philosophical knowledge, a science

Обозначенная в названии проблема ориентирует на исследование внутренней проблематики философских категорий как такого инварианта философского знания, который перманентно инициирует самоопределение философии и в качестве доминанты побуждает ее к самодвижению и содержательному обогащению.

Историко-философский анализ свидетельствует, что категории «потребовались» изначально — как только встал вопрос о принципе структурирования миропонимания и закрепления его в структуре философского знания. Уже Аристотелю было ясно, что для развертывания философских представлений о мире в целом оказались недостаточными как рационалистические средства (достигнутые предшествующей античной мыслью и в концентрированном виде содержащиеся в философской системе Платона), так и те, которые он сформировал в учении о категориях. Тем более это стало ясно, когда самоопределяющееся философское знание в «лице» саморазвертывающего свои потенции Разума «изыскивало» внутренние ресурсы для истолкования целостной картины мира и места в ней человека. Среди этих внутренних ресурсов почти неизменно назывались категории.

Однако многие вопросы относительно категориального знания недостаточно проработаны и до сих пор. Не вполне выяснены, например, место и роль категорий в общей системе философского знания, природа общего (всеобщего)

© А. Ф. Назаренко, 2010

го) категорий, их универсальности, «парности» и многое другое из области логико-гносеологической проблематики категориального знания.

Для ответа на вопрос, что такое категории, мало сказать, что это особого рода понятия, обладающие предельной степенью общности, требуется особое рассмотрение «качества» того всеобщего (общего), которое закрепляется той или иной категорией, т. е. для разрешения проблематики внутренней природы категориального знания необходим контекст не только сугубо логического знания в его расчленено-структурных компонентах, но и контекст всей рациональности.

Иными словами, когда мы анализируем такие продукты интеллектуального творчества, как философские категории, то обнаруживаем, что они являют собой формы интеграции знания, структурно-смысловая природа которых «перерастает» возможности лишь только логической интерпретации. Дело в том, что философское знание как знание о всеобщем «затребовало» от познающего мышления нахождения таких форм, которые воплощали бы самые общие (универсальные) связи между различными «пластами» реальности, дабы воссоздать ее в присущей ей изначально цельности (тотальности). Имеющееся абстрактное знание следовало синтезировать таким образом, чтобы возможным стало обнаружение искомых универсальных связей. Именно категории позволили осуществить такой синтез абстрактного знания. Категории являются, таким образом, сугубо духовными и в этом смысле идеальными образованиями, «прорывом» из конечного в бесконечное, ибо духовное, раз возникнув, обладает существованием бесконечно-вечным, не ограниченным пространственно-временными границами.

Особого интереса заслуживает роль философских категорий в процессе возникновения научной идеи. Например, история открытия Лейбницем исчисления бесконечно малых, его теория «всеобщей характеристики» и объяснение природы логического как комбинаторики особого типа давно уже заставили исследователей обратить внимание на их непосредственную связь с «монадологией».

Представляя мир как определенный способ организации монад, Лейбниц переносит эту идею на логику и математику. Категория «возможных миров», уместная, казалось, только в системе лейбнизианской традиции, оборачивается в начале XX в. своей творческой стороной в логике и математике. По существу эта идея разрешала определенный тип мысленного эксперимента: конструирование некоторой произвольно заданной области идеальных объектов в отношениях, запрещенных в реальности. В приводимом примере мы имеем дело с фактами, когда реальное научное содержание философской концепции разрушает ее мистическую форму и прокладывает путь к конкретному научному знанию. Таким образом, философский компонент (через соответ-

ствующие категории) не является внешним для научного знания, он не лежит вне самой науки, не витает над науками в качестве неких спекулятивных предпосылок, но входит в саму систему научного знания, иницилируя его движение и развитие. Так, детерминанты самоопределения философского знания получают — благодаря категориям — свое инобытие в качестве детерминантов внутренней тенденции развития самой науки.

Данную проблему мы рассматриваем как ведущую в современной философии науки о природе фундаментального знания и привлекающую огромный пласт историко-научного материала. Наша точка зрения сводится к следующему. Выделение особой темы о природе фундаментального знания в общем массиве наук, не тождественном с логико-теоретическими компонентами научной теории, позволяет разрешить вопрос о выяснении конкретного механизма взаимодействия философии и науки преимущественно под углом зрения воздействия философии на науку. Подчеркивая автономность развития философского знания (проблема его самодвижения), мы в то же время обращаем внимание на вхождение его концептуальных структур в массив положительной науки. Это вхождение, в свою очередь, является важной составной частью тех интеллектуальных структур, которые обеспечивают относительную независимость теоретических построений науки от ее эмпирического базиса. При этом следует постоянно иметь в виду структурную неоднородность науки, известную разделенность ее на «этажи» абстрактности, из которых самые абстрактные, состоящие в преобладающей мере из теоретических конструкторов, т. е. фундаментальное знание, максимально сближаются с философскими построениями, делая невозможным однозначное решение вопроса, что есть философского в теле абстрактных научных представлений. Поскольку между указанными этажами существуют логически-смысловые и методологические переходы, поскольку философские предпосылки оказывают опосредующее воздействие на формирование представлений о самих эмпирических основаниях науки.

Разумеется, в наиболее абстрактный слой науки входят лишь те философские представления, смысловые интерпретации которых (интуиции) согласуются со смысловыми комплексами, заданными понятийным аппаратом науки. Поэтому наука формирует внутри себя механизм избирательности, определяющий, какой именно философский материал или смысловой аспект категорий философии может быть включен в контекст науки, составляя ее собственное содержание.